

В.В. СИМОНОВ
V.V. SIMONOV

**ВОИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ АДЖИМУШКАЯ
(к постановке проблемы подсчетов захоронений и останков,
найденных в каменоломнях)**

**MILITARY NECROPOLIS OF AJIMUSHKAY
(with reference to the formulation of the problem of calculations of burials
and remains found in quarries)**

История изучения обороны Аджимушкайских каменоломен насчитывает без малого 80 лет. За это время появилось значительное количество разнообразных работ и публикаций, посвященных этой легендарной эпопее. Однако ряд весьма значимых вопросов, помогающих лучше понять суть и характер происходивших событий, до сих пор остается вне поля зрения исследователей.

Этому есть объяснение: подавляющее большинство опубликованных книг и статей относится к мемуарному или историко-публицистическому жанру. Естественно, в них присутствуют все недостатки, характерные для подобного рода произведений, начиная от большей или меньшей субъективности авторов в передаче и оценке произошедших событий и, заканчивая определенной узостью их кругозора в силу сравнительно ограниченного круга источников. Главным же недостатком этих работ можно считать бесконечное тиражирование уже известных фактов, эпизодов, обстоятельств, документов. Научных публикаций по теме, если говорить о второй половине XX века, сравнительно немного¹. Не считая обстоятельной статьи Н.И. Ваулина, написанной (но не опубликованной) в 1946 г. [Ваулин, 2014], и публикации первых документов об обороне каменоломен, составленных представителями органов и соединений Отдельной Приморской армии еще в 1944 г. [Аджимушкайская трагедия, 1962, с. 72-76; Подземный гарнизон, 1962, с. 76 – 91], к ним, без сомнения, можно отнести лишь ставшие хрестоматийными, написанные на основе огромного массива информации² работы ленинградского историка В.В. Абрамова [Абрамов, 1983; Абрамов, 2006; Абрамов, 2016], единичные публикации первого директора подзем-

¹ Нам в этой связи хотелось бы подчеркнуть существование разницы между исследованием и популяризацией. В случае с Аджимушкаем, как нам представляется, эта разница довольно размыта. Огромное количество вышедших книг и статей, не имеющих никакого отношения по своей сути к научным исследованиям, зачастую воспринимается сторонним читателем подтверждением достаточной разработанности темы. Мы видим причину этого явления в том, что изучением обороны каменоломен практически не занимались профессиональные историки, что исключило формирование критического отношения и подходов к оценке опубликованных работ.

² В части, касающейся обороны каменоломен, это, прежде всего, воспоминания участников событий.

ного музея в Аджимушкае С.М. Щербака [Щербак, 1989] и некоторые материалы из сборника «В катакомбах Аджимушкая», выдержавшего несколько переизданий, среди которых особо отметим небольшую статью И.П. Кондранова [Кондранов, 1982]. Лишь в 2000-е гг. начали появляться работы нового поколения исследователей³, отличающиеся комплексным подходом при рассмотрении ряда специальных вопросов. Последнее особенно важно, поскольку без привлечения, к примеру, результатов поисковых работ, способных дать наиболее объективную информацию в случае их правильной интерпретации, трудно рассчитывать на воссоздание объективной картины событий в целом.

Среди вопросов, пока еще не привлекавших внимания специалистов, несмотря на их явную значимость для оценки и отдельных эпизодов, и обороны каменоломен в целом, вопрос об останках и захоронениях под землей⁴. Работа по их поиску ведется на протяжении вот уже более 50 лет [Демиденко, Симонов, 2004]. За это время накоплен довольно значительный объем информации, но никакой отдельной работы по этой теме до сих пор не было. Исключением можно считать лишь вышедшую в 2007 г. статью, затронувшую небольшую часть этой проблемы [Симонов, 2007].

Это тем более странно, что обобщенные данные о захоронениях и погибших в каменоломнях могли бы служить пусть косвенным, но весьма существенным подтверждением версий и гипотез по одному из самых важных, но пока еще дискуссионных вопросов – численности подземных гарнизонов⁵. Эти же сведения могли быть включены и в расчеты потерь. Поэтому нам представляется весьма важным восполнить этот пробел, обобщив имеющуюся в нашем распоряжении и ранее введенную в широкий оборот информацию по теме, и попытаться ответить на вопросы о том, сколько человек погибло и осталось в каменоломнях, где и как хоронили погибших, по возможности проследить особенности воинских погребальных ритуалов, бытовавших в этих специфических условиях.

Источниковой базой исследования стали опубликованные документы и воспоминания участников событий, работы В.В. Абрамова и С.М. Щербака, а также отчеты экспедиций за период 1983 – 2015 гг.⁶, и информация о результатах их работы

³В этой связи можно отметить работы И.О. Грека, О.И. Демиденко, К.К. Пронина, В.М. Соколова, В.В. Симонова и, с некоторыми оговорками, В.К. Щербанова.

⁴Видимо, в первую очередь это можно объяснить не инертностью исследователей или отсутствием интереса к подобной теме, а тем, что в советские годы об этом не принято было говорить во всеуслышание или публиковать научные материалы [Любецкий, 2022, с. 21].

⁵Например, см.: [Абрамов, 2016, с. 130 – 132; Аджимушкай. 1942., 2017, с. 363 – 364; Симонов, 2004, с. 228 – 229].

⁶Имеются в виду опубликованные в рамках серии «Военно-исторические чтения» отчеты В.В. Симонова, В.М. Соколова и В.К. Щербанова [Симонов, 2019; Соколов, 2020; Щербанов, 2021] и отчеты, подготовленные и опубликованные в этой же серии специалистами Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017а; Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б].

в 2016 – 2022 гг.⁷ Следует отметить, что при формировании обобщенных данных по захоронениям и останкам в каменоломнях определенную сложность вызвал подсчет результатов работ экспедиций 1972 – 1982 гг. Это связано с тем, что в научный оборот такая информация не введена (есть лишь, к примеру, отдельные публикации в журнале «Вокруг света» и упоминания в работах В.В. Абрамова и С.М. Щербака, о чем подробнее будет сказано ниже), а доступ к архивным материалам, хранящимся в Научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника, в настоящее время по ряду причин затруднен. Тем не менее, данные о результатах этих работ (несмотря на некоторые противоречия, отмечаемые в отчетах и различных публикациях) приводятся нами на основании других документов, хотя и без какой-либо детализации.

Если проанализировать источники и литературу по указанной теме, то мы найдем минимум упоминаний по интересующему нас вопросу.

Обратимся, прежде всего, к документам.

Самые известные данные о количестве погибших и захороненных под землей, правда, относящиеся лишь к одному дню – дню первой газовой атаки⁸, содержатся в Дневнике Сарикова-Трофименко⁹: *«Прежде всего командование занялось уборкой трупов. Целый день пришлось закапывать своих боевых товарищей, а конца и краю не было. Вести учет по фамилиям не было возможности, потому что ежедневно враг пускал газ, который он называл нейтральным. За один день мы только на своей территории зарыли 824 человека. Что же делалось на территории других батальонов, то, наверное, не меньше, чем у нас»* [Дневник, найденный в катакомбах, 1970, с. 62]. Более ни в этом документе, ни в еще одном дневнике, найденном в каменоломнях, – дневнике старшего лейтенанта А.И. Клабукова¹⁰ [Дневник старшего лейтенанта Клабукова., 2014], нет интересующих нас сведений. В советских источниках первые обобщенные данные о погибших и похороненных под землей приводятся в «Акте от 16 февраля 1944 г.», составленном представителями 414-й стрелковой дивизии. В документе сообщается, что в подземных братских могилах в общей сложности похоронены более 3000 человек. Число вызывает определенные вопросы [Симонов, 2007, с. 88-89], но это единственное известное на настоящий момент в советских документах упоминание о количестве похороненных воинов-аджимушкайцев. Таким образом, исходя из этих данных, следует допустить, что только

⁷Информация о результатах работ за каждый поисковый сезон в этот период публиковалась на страницах социальной сети ВКонтакте в группе «Военно-археологические экспедиции Аджимушкой» (<https://vk.com/adjimushkai>).

⁸24 мая 1942 г.

⁹Трофименко Александр Иванович, 1908 г.р., Краснодарский край, ст. Ахтырская, мл. лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, автор известного дневника, вошедшего в историю под названием «Дневник Сарикова-Трофименко» [Абрамов, 2006, с. 100-101].

¹⁰Клабуков Александр Иванович, 1901 г.р., урож. г. Вятка, старший лейтенант (капитан), участник обороны Малых каменоломен, автор известного дневника, найденного под землей.

в Центральных каменоломнях остались тела **более чем 3000** воинов подземного гарнизона. Более, потому что число 3000 относится, видимо, только к погибшим в ходе первых газовых атак (именно их массово хоронили в братских могилах, о которых и идет речь в Акте). Следовательно, количество оставшихся в выработках погибших (как похороненных, так и нет) должно быть гораздо большим.

Немного информации можно найти и в выявленных на настоящий момент документах противника. Понятно, что подобные сведения не находили отражения в текущих оперативных документах подразделений, участвовавших в подавлении подземных очагов сопротивления в Аджимушкае, но косвенные данные можно найти в «Обобщающем донесении о советском движении сопротивления в каменоломнях Аджим-Ушкой (Крым)». Там сказано, что от голода и ран под землей умерло 600 человек (и можно считать, что все они были похоронены в каменоломнях), расстреляно *«за нарушение дисциплины»* 100 человек, еще 350 человек погибли под завалами – *«смерть от взрывов»* (понятно, тела их тоже оставались в выработках) [Керчь. 1942.., 2011, с. 458]¹¹ – итого 1050 человек. Характерно, что в немецких документах нигде нет упоминаний о смерти защитников каменоломен от газов¹². Получается, что в общей сложности, по представлениям противника, под землей остались тела чуть **более 1000** аджимушкайцев, в том числе более 700 человек – в Центральных и более 300 – в Малых.

Как видим, фигурирующие в советских и немецких документах числа не просто сильно разнятся, они не дают достаточных оснований для доказательного подтверждения того или иного количества погибших, оставшихся в каменоломнях.

Еще меньше информации можно найти в воспоминаниях участников событий. Фактически, сами авторы лишь констатируют факт погребения павших, сообщая минимум деталей, и таких свидетельств очень немного. Приведем самые характерные из них. Так, бывший 1-й помощник начальника штаба гарнизона лейтенант Н.А.Ефремов¹³ пишет: *«И в этом могильном мраке вела свою страшную работу похоронная команда, назначенная комиссаром Парахиным¹⁴. В угрюмом молчании солдаты переносили в боковую штольню тела погибших... Трупы складывали в не-*

¹¹Как можно понять, это общие данные по Центральным и Малым каменоломням, поскольку в другом месте есть данные конкретно по Малым: умерло от ран и голода 110 человек (100 и 10 соответственно), расстреляны 10 человек, погибло от взрывов около 200 человек. При этом есть уточнение и по Центральным, где, по данным противника, убито в результате взрывов около 200 человек [Керчь. 1942.., 2011, с.457 – 458]. Данные приблизительные, на основе показаний пленных, как отмечается в документе.

¹²Упомянуты лишь о сдаче в плен (после «атаки с дымовыми бомбами») около 1000 солдат и около 800 гражданских лиц [Керчь. 1942.., 2011, с. 457].

¹³Ефремов Николай Арсентьевич, 1921 г.р., Саратовская обл., с. Подгорное, лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, остался жив, автор известной книги «Солдаты подземелья» [Ефремов, 1970].

¹⁴Парахин Иван Павлович, 1903 г.р., Орловская обл., Ливенский район, с. Успенье, старший батальонный комиссар, один из руководителей и организаторов обороны Центральных каменоломен – комиссар гарнизона, погиб в плену в ноябре 1942 г.

сколько рядов. Большинство было захоронено неопознанными» [Ефремов, 1970, с.89-90]. Подобное описание, правда, чуть более подробное, мы находим и у участника обороны Н.Д. Немцова¹⁵: «Когда начали хоронить первые трупы, мы поняли, что у нас ничего не получится: ракушечник был крепкий, и с помощью наших инструментов вырыть несколько братских могил просто не в наших силах. Надо было придумать нечто другое. Заметили, что прошло уже почти две недели, а трупы не разлагаются и не издают неприятного запаха. Решили тогда поглубже в каменоломне выбрать место и там погибших солдат складывать один на другого штабелем, а когда освободимся, то перехоронить их. Место для кладбища выбрали в глубине каменоломен между 1 и 2-м батальонами и складывали там умерших до последнего дня. Когда убрали задохнувшихся, каменоломню подмели и к этому вопросу больше не возвращались» [цит. по: Абрамов, 2006, с. 310]. Отметим, что в обоих случаях речь идет о групповых захоронениях (братских могилах), могилы эти находились в глубине каменоломен или боковых штольнях и, как можно понять, поскольку о низовках авторы не упоминают, представляли собой штреки, где просто складывали тела¹⁶. Еще раз подчеркнем, приведенные выше воспоминания относятся к массовому захоронению погибших после первых газовых атак. Без сомнения, именно этот факт даже в череде постоянных смертей был настолько неординарным, что не мог не остаться в памяти навсегда, очень часто – единственным. Довольно интересную информацию, также относящуюся к братским могилам, сообщает и медсестра подземного госпиталя М.Т. Шкандина-Мелохина¹⁷: «У нас был комендант похоронного бюро, который также регистрировал каждого умершего бойца, которого принесли хоронить в братскую могилу. Он записывал каждого человечка, без него мы не могли хоронить. У нас были определённые часы ночные для похорон. И он же следил за порядком, как мы укладываем покойника, чтобы мы укладывали аккуратно, трупы не бросали как попало и мы старались, как могли, хотя у нас уже не было тоже сил» [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 351]. Есть у нее и еще одно упоминание о братских могилах, в котором она касается процесса захоронения: «А вот вторая могила братская, о которой я вам говорила, ... находилась почти что в конце нашего госпиталя, это была огромная могила, и мы её наложили пол-

¹⁵ Немцов Николай Дмитриевич, 1922 г.р., Украинская ССР, Донецкая обл., г. Горловка, курсант Ярославской военно-авиационной школы, участник обороны Центральных каменоломен, остался жив.

¹⁶ Следы подобных захоронений мы находили в каменоломнях [Симонов, 2007, с. 97; Симонов, 2019, с. 327 – 329]. Видимо, наличие отгороженных бутовыми стенками захоронений, которые не раз находили в послевоенное время, стало причиной появления в Аджимушкае среди местных жителей многочисленных легенд об открывшихся за обвалившимися внезапно стенами тел стоявших советских солдат (см., напр.: [Воспоминания жителей Аджимушкая..., 2017, с. 344].

¹⁷ Мелохина (Шкандина) Мария Тимофеевна, 1924 г.р., Курская обл., Хомутовский район, д. Вяженка, участница обороны Центральных каменоломен, медсестра подземного госпиталя, попала в плен, осталась жива, автор воспоминаний, опубликованных в 2014 г. [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 336 – 366].

ную и укладывали аккуратно и плотно ... покойников. Правда, в эту могилу вторую мы уложили [всех] до [последнего] умерших раненых... И мы эту могилу как могли, так и засыпали, уже обессилевшие. Но нужно было укрыть своих умерших раненых бойцов и офицеров землёй. Но у нас не было земли, была каменная тырса, и её мы и засыпали. Каждый слой, как уложим. И хоть немного, но засыпали тырсой...» [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 362].

Других развернутых упоминаний по интересующей нас теме найти не удалось. Видимо, и сама смерть, и похороны павших товарищей были настолько обыденным явлением, что в отличие от постоянных угроз собственным жизням, не оставляли в памяти бойцов и командиров заметных, сохранившихся надолго воспоминаний¹⁸. Причем это касалось как самого процесса захоронений, так и общего количества погибших и захороненных, которого многие просто не знали.

Понятно, что, поскольку свидетельств очевидцев по этому вопросу практически не осталось, сама тема погребения погибших защитников каменоломен под землей как с точки зрения описания отдельных эпизодов, так и попыток анализа, обобщения ситуации практически не нашла отражения в работах исследователей.

Лишь у С.М. Щербака, возможно, на основании рассказов других аджимушкайцев¹⁹, есть упоминание о различных типах погребальных сооружений, хотя опять без какой-либо особой детализации: «После газовых атак, после кровопролитных вылазок живые, если можно было подобрать тела мертвых, убитых, хоронили их в подземелье... Кроме низовок, могилами служили различные другие углубления, ниши, отвалы каменных опилок и крошки. В конце обороны, когда гарнизон уже был в агонии, мертвые оставались на месте в том положении, в каком их настигала смерть» [Щербак, 1989, с. 65].

Никакой дополнительной информации, кроме уже приведенной выше выдержки из воспоминаний Н.Д. Немцова, мы не видим и у В.В. Абрамова (не считая подробного описания нескольких захоронений, обнаруженных в ходе поисковых работ, участником которых он был).

Таким образом, вынуждены констатировать, что в опубликованных работах и мемуарах можно найти лишь упоминание о разнообразии погребальных сооружений, которыми в зависимости от ситуации могли служить как просто штреки или участки штолен, так и различные технологические углубления (например, низовки), а также специально вырытые могилы. Но никаких деталей, связанных с погребени-

¹⁸ Специалисты так оценивают подобное явление: «Еще в годы Первой мировой войны было отмечено «равнодушное» отношение к павшим бойцам, отсутствие к ним должного внимания отмечалось на передовых линиях фронта, что выражалось в постепенной секуляризации и минимизации погребальных ритуалов по причине неподходящих условий. Особенно это ярко проявлялось в периоды массовой гибели солдат, когда «бережливость» людей по отношению к телам убитых резко снижалась» [Любецкий, 2014, с. 22].

¹⁹ Впрочем, не исключено, что эта констатация стала результатом увиденного в ходе поисковых работ.

ем погибших, мы не видим, так же как и каких-либо упоминаний об их количестве.

Естественно предположить, что в таком случае восполнить недостающие пробелы, хотя бы отчасти, могли бы результаты эксгумационных работ. Известно, что масштабные эксгумационные работы проводились в каменоломнях в 1961-1962 гг.²⁰, видимо, инициированные общегосударственными акциями по благоустройству, упорядочению и укрупнению воинских захоронений. А затем, начиная с 1972 г., на протяжении многих десятилетий в рамках экспедиции «Аджимушкой» под землей велся целенаправленный поиск незахороненных останков и неизвестных захоронений. К результатам этих работ мы и обратимся в попытке ответить на вопрос о количестве погибших и похороненных в каменоломнях.

Как следует из документов, за два года – 1961-й и 1962-й, в каменоломнях были собраны и впоследствии торжественно перезахоронены на городском воинском кладбище останки **2028** человек (405 и 1623 соответственно) [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед. хр.903, л. 4]. Можно допустить, и ранее мы об этом уже писали, что тогда под землей были собраны практически все незахороненные останки, а также останки из больших братских могил, устроенных в отгороженных бутовками штреках [Симонов, 2007, с. 93]. Не исключено, хотя и вызывает некоторые сомнения, что могла быть произведена эксгумация и из братских могил в низовках – некоторые из них были хорошо видны без проведения поисковых работ. В любом случае, эта цифра – 2028 человек, останки которых были собраны в каменоломнях, фигурирует в официальных документах, и игнорировать ее мы не можем.

Следующий этап планомерных эксгумационных работ связан с работой экспедиций «Аджимушкой»²¹. При этом нужно иметь в виду, что поиск незахороненных останков и неизвестных захоронений изначально не ставился главной целью работ. Такой целью был подземный архив [Демиденко, 2006], а поиск останков считался лишь одной из нескольких задач, стоявших перед участниками экспедиций. Видимо, это сказалось на том, что информация, сохранившаяся в отчетах первого десятилетия исследований, не давала исчерпывающих сведений о результатах, особенно в части найденных и эксгумированных останков²². А в отчетах, так же, как и в публикациях журнала «Вокруг света», редакция которого выступила одним из инициаторов и организаторов поисковых работ в каменоломнях и какое-то время регулярно публиковала статьи на эту тему, можно найти явные несоответствия.

Так, например, в публикациях об экспедициях «Аджимушкой-72» и

²⁰Есть неподтвержденные официально сведения о том, что останки в каменоломнях собирали и сразу после войны – во второй половине 1940-х гг. Если это и так, то никакие документы по этому поводу на настоящий момент не выявлены и не введены в научный оборот. Результаты этих работ нам неизвестны.

²¹Подробно см.: [Демиденко, Симонов, 2004; Грек, 2017, с. 87-89; Симонов, 2017, с. 230-321].

²²Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к отчетам, хранящимся в Научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед. хр. 53, 79, 432, 508, 509, 571, 572, 725, 726, 797].

«Аджимушкай-73» нет никаких упоминаний о найденных останках или могилах, но в статье А. Рябикина «Было много дней», опубликованной в 1974 г., читаем дословно: «В прошлом году (следовательно, в 1973-м – В.С.) мы обнаружили подземную братскую могилу» [Рябикин, 1974, с. 4]. В журналах «Вокруг света» за 1974 – 1975 годы мы опять не видим никакой информации об останках, найденных в каменоломнях. А в книге В.В. Абрамова «Керченская катастрофа 1942» приводится детальное описание обнаружения и эксгумации останков 5 человек на различных участках работ в ходе экспедиции «Аджимушкай-75» [Абрамов, 2006, с. 258 – 269, 261 – 262, 263]. Подобная ситуация сохраняется и в дальнейшем. При отсутствии подобных сведений в отчетах, относящихся к концу 1970-х гг., мы вдруг видим у С.М. Щербака упоминание об обнаружении и эксгумации останков, как можно понять, в эти годы: «Взрыв перекрыл пересечение пяти галерей, где имелись глубокие низовки²³. Их засыпало не полностью, и впоследствии здесь можно было производить раскопки. В одной низовке обнаружили захоронение 25 воинов. Из другой в разные годы извлекли более десяти человеческих останков. Экспедиция 1979 года нашла между двумя воронками останки еще 31 человека. Некоторые черепа были с пулевыми отверстиями, кости конечностей в бинтах и шинах. Рядом могила еще пяти воинов. И нигде никаких документов» [Щербак, 1989, с. 81]. Более того, в одной из публикаций в журнале «Вокруг света» мы находим даже обобщенные сведения (пусть и весьма приблизительные) о количестве останков, эксгумированных в первое десятилетие поиска: «За эти годы останки около двухсот защитников Аджимушкая были с воинскими почестями перезахоронены на воинском кладбище в Керчи» [Рябикин, 1983, с. 3]. Возникает вопрос: насколько точно это число отражает результаты работ за период 1972 – 1982 гг.?

В Научном архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника хранится «Тетрадь учета перезахороненных на воинское кладбище из Аджимушкайских каменоломен»²⁴ [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед.хр. 921], в которой за период 1961 – 1987 гг. значатся перезахороненными 2409 человек. Количество останков, эксгумированных в 1961 – 1962 гг., нам известно (оно приводилось выше, упоминается и в этом же документе) – 2028 человек. Легко подсчитать и количество останков, найденных и эксгумированных в 1983 – 1986 гг.²⁵, поскольку они отражены в отчетах, подробнее о которых будет сказано ниже, – это не менее 157 человек. Получается, что в ходе экспедиций 1970-х – начала 1980-х гг. (до 1982 г. включительно) в каме-

²³Можно предположить, что речь идет о завале, получившем впоследствии название «Большой спуск».

²⁴Документ представляет собой рукописные записи, сделанные научным сотрудником Аджимушкайского музея С.П. Литвиновой в обычной ученической тетради, с данными о перезахоронениях по годам, без ссылок на какие-либо источники.

²⁵В данном случае мы ограничиваемся 1986 г., учитывая то, что экспедиции проходили летом, а перезахоронение останков проводилось, как правило, весной следующего года. Таким образом, в 1987 г. могли перезахоронить останки, найденные не позже 1986 г.

ноломнях были найдены и эксгумированы останки 224 человек, что в целом соответствует данным из публикации в журнале «Вокруг света» и может быть принято во внимание, несмотря на отсутствие документально подтвержденных сведений об обнаружении останков по годам.

Теперь обратимся к результатам экспедиций за период 1983 – 2022 гг. Но прежде чем перейти к изложению статистических данных, остановимся еще на нескольких немаловажных моментах, связанных, прежде всего, с точностью подсчета найденных и эксгумированных останков, нашедших отражение в опубликованных экспедиционных отчетах.

Со второй половины 1980-х гг. поиск останков погибших аджимушкайцев, при сохранении основной цели – подземного архива, становится приоритетной задачей экспедиций почти на два последующих десятилетия. Естественно, это нашло отражение и в изменении методики работ, и в изменении отчетной документации, что выразилось в большем внимании к фиксации найденных останков и захоронений. Правда, говоря о тщательной фиксации, следует иметь в виду скорее сам факт их обнаружения и места, где они были найдены. Первые попытки сколь-нибудь подробного описания захоронений, предпринятые В.К.Щербановым в первой половине 1980-х гг.²⁶ [Щербанов, 2021, с. 50-51, 56-57, 97 и др.], по ряду причин «не прижились», поэтому до конца 1990-х гг. это делалось лишь эпизодически, в исключительных случаях, что значительно снижает информативность отчетов в этом плане. И лишь в последние годы XX века и начале 2000-х гг. детальное описание найденных останков и захоронений стало постоянной практикой и было максимально приближено к требованиям археологических методик [Симонов, 2023, с. 38]. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что поиск останков и захоронений в каменоломнях к этому моменту вновь отошел на второй план, прежде всего благодаря результатам работ предыдущих десятилетий, когда были не просто обследованы значительные открытые площади, но и собраны практически все останки, разбросанные по штрекам и штольням в результате грабительских работ. Тем не менее, накопленные материалы позволили вплотную подойти к анализу полученного массива данных и оценке состояния проблемы в целом.

Классификация захоронений и останков в данном случае особых вопросов не вызывает. Традиционно, если говорить о воинских захоронениях в местах проведения боевых действий, мы выделяем собственно **захоронения** (могилы) и **незахороненные останки** (останки, оставленные на поле боя). Понятно, что и подземное поле боя не является исключением – в каменоломнях были и те и другие.

²⁶ Справедливости ради, следует упомянуть о подробном описании могил и останков в материалах В.В. Абрамова уже в 1975 г. [Абрамов, 2006, с. 258 – 269, 261 – 262, 263], но эти записи носили дневниковый характер и по какой-то причине не вошли в отчет экспедиции. Сам же В.В. Абрамов, хотя и обладал статусом консультанта экспедиции, участвовал в работах лишь несколько раз.

Все захоронения под землей относятся к категории неизвестных воинских захоронений, поскольку никаких сведений о них в архивных документах, по понятным причинам, не отложилось. Как и повсеместно в период войны, захоронения под землей были групповыми (братские могилы) и индивидуальными. Отдельно можно выделить госпитальные захоронения, которые, как правило, были групповыми (братские могилы).

Не захороненные останки в Аджимушкае – это те, кто погиб под завалами или был оставлен на месте в последний период обороны, когда хоронить умерших у оставшихся просто не было сил. Большая часть погибших при взрывах до сих пор, видимо, и остается под рухнувшей кровлей, поскольку завалы в каменоломнях почти не разбирали. Тела умерших в госпиталях или просто в местах проживания личного состава были собраны в послевоенные годы еще до начала экспедиций, хотя отдельные случаи обнаружения подобных останков фиксировались даже в 1990 г. [Соколов, 2020, с. 185].

Поскольку на протяжении всех послевоенных десятилетий каменоломни были (и остаются) местом не только работы экспедиций, но и несанкционированных²⁷ и грабительских раскопок, значительное число захоронений и незахороненных останков были «осквернены». Однако вопрос о том, какие именно захоронения и останки считать «оскверненными», имея в виду под таковыми останки, подвергшиеся грабительским раскопкам, не совсем прост. Имеющиеся в нашем распоряжении неофициальные сведения о характере эксгумационных работ в ходе экспедиций 1970-х гг. позволяют предполагать, что часть найденных, к примеру в 1990-е гг. нарушенных захоронений и останков, были следствиями некачественной работы первых экспедиций. Вопрос, относить ли их к категории «оскверненных», остается открытым. Очевидно лишь то, что это может существенно влиять на окончательные подсчеты, то есть фактически какая-то часть останков (из захоронений и незахороненных), носящих признаки «оскверненных», могли быть учтены дважды. Это же относится к результатам работы по сбору останков в каменоломнях, к которым привлекались местные жители, зачастую изымавшие из захоронений только черепа²⁸. Естественно, спустя несколько десятилетий при обнаружении подобных захоронений они учитывались повторно. С учетом этих обстоятельств мы посчитали целесообразным отнести к категории «оскверненных» все найденные захоронения, сохранившие следы предыдущего вмешательства.

²⁷ В данном случае несанкционированными (в отличие от грабительских) мы называем раскопки, которые проводились в годы, когда отсутствовала четкая законодательная база, регламентирующая подобные виды работ, а сами раскопки не преследовали каких-либо материальных целей.

²⁸ В подобных случаях работы выполнялись на законных основаниях, но фактически налицо «осквернение» захоронения. Впрочем, такие случаи, связанные с переносом и укрупнением воинских захоронений, широко известны.

Кроме захоронений и незахороненных останков в практике поисковых работ в Аджимушкае широко распространен термин **разрозненные останки**²⁹. Фактически это останки, подвергшиеся незаконным раскопкам (то есть «оскверненные» останки), но не оставшиеся на месте захоронения, а разбросанные и растянутые по штольням и штрекам. В таких случаях установить точное количество погибших, места их захоронений, принадлежность отдельных костей одному скелету, время раскопок не представлялось возможным. Ясно только, что это останки советских воинов. Еще в начале 1990-х гг. в Центральных каменоломнях на отдельных участках таких костей было разбросано множество и лишь постепенно, в ходе целенаправленных мероприятий в рамках экспедиций середины 1990-х гг. они были собраны. Подсчет их проводился очень условно – по характерным костям³⁰, но тем не менее эти сведения нами приводятся.

Из сказанного выше становится очевидным, что проблема точного подсчета найденных и эксгумированных в ходе экспедиций останков (если термин «точного» здесь вообще уместен) стала самой сложной. По крайней мере, затруднения при подсчете «оскверненных» и разрозненных останков возникали уже в ходе экспедиций, поскольку, например В.М. Соколов, под руководством которого осуществлялась наиболее активная зачистка каменоломен в середине 1990-х гг., не редко использовал при составлении отчетов формулировки «несколько» или «много» (человек). В подобных случаях при подсчетах мы принимали во внимание минимальные цифры: не менее 2-х («несколько») или не менее 3-х («много») человек. У В.К. Щербанова есть разночтения при указании количества найденных останков в отчетах и дневниках за один и тот же год (например, 1985-й [Щербанов, 2021, с. 129 – 208]. Информация о раскопках некоторых объектов выглядит недостоверно, к примеру, в 1986 г. В.М. Соколов упоминает об эксгумации 11 человек из братской могилы под надписью «*Простите, други*»³¹ [Соколов, 2020, с. 48], причем, по его мнению, могила раскопана ростовчанами. Но у В.К. Щербанова в отчете за 1986 г. (так же, как и за предыдущие годы) ничего подобного нет. И похожие примеры можно продолжать.

Несомненно, все эти нюансы следует учитывать при составлении общей картины, но в любом случае отчеты экспедиций, начиная с 1983 г., содержат сведения о проведенных эксгумационных работах, которые могут быть исходными данными для интересующих нас подсчетов.

²⁹ В практике российских поисковиков используется термин «добор», который, как нам представляется, наиболее близок по смыслу к тому, что мы называем «разрозненными останками». Тем не менее, точного определения термина «добор» мы не встречали, что порой ведет к разночтениям и неточностям при составлении отчетной документации.

³⁰ Разрозненные останки были представлены, как правило, позвонками, ребрами, мелкими костями конечностей, реже – лопатками, костями таза, крупными костями конечностей. Черепа встречались только в виде отдельных костей или их фрагментов.

³¹ На поисковых картах место № 95.

Известно, что наиболее активно поиском захоронений и сбором незахороненных останков в каменоломнях занимались одесские группы, а затем объединенная экспедиция под руководством В.М. Соколова [Соколов, 2020, с. 6]. Этот период охватывает 1984 – 1997 гг., и в общей сложности за эти годы были обнаружены и эксгумированы (собраны) останки не менее 317 человек.

Таблица № 1

Сведения о количестве найденных и эксгумированных останков одесскими поисковыми группами и объединенной экспедицией «Аджимушкай» за период 1984 – 1997 гг. (по [Соколов, 2020])³²

Год	Центральные каменоломни			Малые каменоломни			Всего
	из захоронений	незахор.	разрозн.	из захоронений	незахор.	разрозн.	
1984	>2/-	-/-	>10	-/-	-/-	-	>12
1985	-/>6	-/-	>32	-/-	-/-	>15	>53
1986	-/2	2/1	>13	-/-	-/-	>11	>29
1987	>2/-	1/>3	-	3/-	1/-	>6	>16
1988	-/-	-/-	-	-/20	4/-	-	24
1989	10/12	2/-	>4	-/-	>3/-	-	31
1990	1/7	2/-	>7	1/1	1/-	-	20
1991	-/-	-/-	-	>8/-	-/-	>3	>11
1992	-/>3	1/-	>3	-/-	-/-	-	>7
1993	-/4	-/-	-	-/1	-/1	>2	>8
1994	5/>15	-/-	>2	1/-	-/-	-	>23
1995	3/15	-/-	3	3/10	3/-	-	37
1996	3/>13	4/1	>5	-/1	3/-	1	>31
1997	-/>10	-/-	>3	-/>2	-/-	-	>15
	>26/>87	12/>5	>82	>16/>35	15/1	38	>317
Всего							>317

Параллельно (до момента объединения в 1993 г.) работали ростовские группы, возглавляемые В.К. Щербановым. Им за период 1983 – 1992 гг. удалось найти и эксгумировать останки 95 человек.

³²Здесь и далее в числителях указаны неповрежденные останки, в знаменателях – «оскверненные».

Сведения о количестве найденных и эксгумированных останков ростовскими поисковыми группами за период 1983 – 1992 гг. (по [Щербанов, 2021])

Год	Центральные каменоломни			Малые каменоломни			Всего
	из захоронений	незахор.	разрозн.	из захоронений	незахор.	разрозн.	
1983	6/8	4/-	14	-/-	-/-	-/-	32
1984	2/-	3/-	-/-	-/-	-/-	-/-	5
1985	11/4	2/-	-/-	-/-	-/-	-/-	17
1986	8/-	1/-	-/-	-/-	-/-	-/-	9
1987	7/-	-/-	-/-	2/-	-/-	-/-	9
1988	1/-	3/-	-/-	-/-	-/-	-/-	4
1989	3/-	6/-	-/-	-/-	-/-	-/-	9
1990	2/7	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	9
1991	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	-
1992	-/1	-/-	-/-	-/-	-/-	-/-	1
	40/20	19/-	14	2/-	-	-	
Всего							95

Впоследствии эта работа была продолжена, и до 2017 г. (включительно)³³ найдены и эксгумированы останки еще не менее 117 человек.

Таблица № 3

Сведения о количестве найденных и эксгумированных останков экспедицией «Аджимушкой» за период 1998 – 2017 гг. (по [Симонов, 2019])

Год	Центральные каменоломни			Малые каменоломни			Всего
	из захоронений	незахор.	разрозн.	из захоронений	незахор.	разрозн.	
1998	1/-	-/-	3	-/-	-/-	-	4
1999	2/2	-/-	>16	-/-	-/-	-	>20
2000	-/-	-/-	1	-/-	-/-	-	1

³³ В 2018 – 2022 гг. при проведении экспедиций останки в каменоломнях не находили.

2001	-/-	-/-	>3	-/-	-/-	-	>3
2002	-/-	4/-	-	-/-	-/-	-	4
2003	1/2	1/1	>6	-/-	-/-	-	>11
2004	1/-	1/-	-	-/-	-/-	-	2
2005	-/-	2/-	>2	-/-	-/-	-	>4
2006	-/1	1/-	>24	-/-	-/-	-	>26
2007	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2008	-/-	-/1	>2	-/-	-/-	-	>3
2009	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2010	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2011	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2012	-/-	-/-	>7	-/-	-/-	-	>7
2013	-/-	-/-	-	-/-	-/-	-	-
2014	-/-	-/-	-	-/3	1/-	4	8
2015	3/6	5/-	3	-/1	-/-	-	18
2016	-/1	1/-	1	-/-	-/-	-	3
2017	-/-	3/-	-	-/-	-/-	-	3
	8/12	18/2	>68	-/4	1/-	4	>117
Всего							>117

Таким образом, за период 1984–2022 гг. в Центральных и Малых Аджимушкайских каменоломнях экспедициями были найдены и эксгумированы останки не менее **529 человек**. Ниже мы приводим характеристики найденных останков с учетом обозначенной ранее классификации (захоронения, незахороненные останки и разрозненные останки).

Захоронения

Всего в отчетах отмечено 143 случая обнаружения захоронений (63/80). Из них, в Центральных каменоломнях – 123 (52/71) – 86%, в Малых – 20 (13/7) – 14%. В 10 случаях (6,9%) отмечено, что захоронения госпитальные (5/5); в 3 случаях погибшие были захоронены в жилых комнатах (2/1), в 1 (-/1) – в газубежище. В 99 (49/50) случаях (69,2%) захоронения одиночные, в 44 (14/30) – (30,8%) – групповые (2 человека – 18 захоронений, >2 человек – 5 захоронений, 3 человека – 11 захоронений, 4 человека – 2 захоронения, >4 человек – 2 захоронения, 5 человек – 1 захоронение, 7 человек – 1 захоронение, >7 человек – 1 захоронение, 8 человек – 1 захоронение, 9 человек – 1 захоронение, 20 человек – 1 захоронение). В 10 случаях не указано точное количество эксгумированных останков, они считались по условным значениям.

Идентифицированы по медальонам-смертникам – 7 человек (Зайцев, Закиров,

Король, Мейлахс, Мисников, Поляков, Сурувец), по другим документам – 1 человек (Ройтберг), по результатам судебно-медицинских исследований – 2 человека (Исаков, Манукалов)³⁴.

Останки 19 (7/12) человек принадлежали командирам (определены по медальонам-смертникам, по результатам судебно-медицинских исследований, по фрагментам обмундирования). Останки 5 человек – гражданским лицам, кроме того, были найдены останки 3 женщин и 4 детей (одна из которых девочка).

В общей сложности из захоронений в Центральных каменоломнях эксгумированы останки не менее 74/119 человек, в Малых – не менее 18/39 человек, всего – не менее **250 человек**, что составляет от общего числа найденных и эксгумированных останков 47,2%.

Незахороненные останки

Всего в отчетах отмечено 48 случаев обнаружения незахороненных останков (42/6); из них в Центральных каменоломнях – 36 (31/5) – 75%, в Малых – 12 (11/1) – 25%. В 44 (38/6) случаях отмечено, что бойцы погибли при взрывах под завалами, в 1 (1/-) – погибший, лежавший в штольне, впоследствии был засыпан завалом, в 3 (3/-) – погибшие были расстреляны. В 1 случае количество эксгумированных останков не указано, они считались по условным значениям.

Идентифицированы по личным документам – 4 человека (Глебкин, Казазаев, Сушко, Янгуразов), по подписным предметам – 2 человека (Донцелян, Соленый³⁵).

Останки 7 человек принадлежали командирам (определены по фрагментам обмундирования), 2 человек – гражданским лицам, 2 – женщинам.

В общей сложности в Центральных каменоломнях были эксгумированы останки не менее 56 (49/7) человек, в Малых – не менее 17 (16/1) человек, всего останки не менее **73 человек**, или 13,8% от общего числа.

Разрозненные останки

В отчетах упоминаются 84 случая обнаружения «разрозненных» останков, в 43 случаях указано примерное количество, в 41 случае – нет.

В целом, можно считать, что в Центральных каменоломнях в общей сложности были собраны останки не менее 164 человек.

В Малых каменоломнях: с указанием точного количества собранных останков – не менее 27 человек, в случаях, когда количество не указано, – не менее 11 человек, всего – не менее 42 человек.

Всего по категории «разрозненные останки» в Центральных и Малых Аджимушкайских каменоломнях были собраны останки не менее **206 человек**, или 39,0% от общего количества.

³⁴ Сведения на военнослужащих, личности которых были идентифицированы, смотри в *Приложении № 1*.

³⁵ Из отчета не совсем понятно, найден ли был подписной котелок на останках или рядом с ними.

Возникает вопрос, могут ли эти числа быть использованы при общем подсчете погибших и похороненных в каменоломнях и далее при расчетах, к примеру, потерь? На первый взгляд, учитывая их очень приблизительный характер, обусловленный сложностями подсчетов, нет. Но это не совсем так, и косвенными подтверждениями для некоторых выводов они все-таки могут быть.

Например, как мы уже отмечали выше, советские источники указывают, что в каменоломнях погибли и были похоронены более 3000 человек. Немецкие, отрицающие использование против аджимушкайцев боевых отравляющих веществ³⁶, указывают гораздо меньшую цифру – 1050. Если принимать во внимание все выявленные на настоящий момент документы, характеризующие поиск останков в каменоломнях и их эксгумацию, можно допустить, что в общей сложности за все годы были найдены останки не менее 2781 человека. Даже если согласиться с тем (и это вполне справедливо), что разрозненные останки фактически могли быть учтены дважды, итоговая цифра уменьшится ненамного и составит более 2,5 тысячи (2575 человек). На наш взгляд, это может служить убедительным доказательством гибели гораздо большего количества защитников каменоломен, чем было указано в документах противника, и, следовательно, косвенным подтверждением применения немецкими войсками отравляющих веществ.

Можно, к примеру, сопоставить количество найденных захороненных останков – 73 (а в нашем случае это в подавляющем большинстве военнослужащие, погибшие от взрывов кровли) с числами из немецких документов – 350, чтобы понять, сколько тел погибших бойцов и командиров могут все еще оставаться под завалами.

Впрочем, анализ полученных результатов, кроме попыток использовать их в расчетах численности гарнизонов и их потерь, расширяет наши представления и по такой специфической теме, как воинские погребальные ритуалы.

Для понимания характеристик погребальных сооружений и практиковавшихся погребальных обрядов (как части ритуала) интерес, как вполне очевидно, представляют только захоронения. Поэтому ниже более детально остановимся именно на этой категории.

В отчетах В.М. Соколова захоронения как непотревоженные, так и «оскверненные» описаны предельно кратко. Обычно он сообщает место обнаружения, количество захороненных, перечисляет вещевой материал или документы, найденные на останках. Вещевой материал, как правило, стандартный и представлен фрагментами и обрывками обмундирования и обуви, деталями снаряжения, патронами к стрелковому оружию, единичными личными вещами (монеты, мундштуки, расчески и пр.³⁷).

³⁶ Вопрос о точном составе использовавшихся немецкими войсками газов остается открытым. На наш взгляд, наиболее убедительна и обоснована версия О.И. Демиденко, предположившей, что в каменоломнях были использованы, прежде всего, боевые отравляющие вещества раздражающего действия [Демиденко, 2014].

³⁷ Это же справедливо и в отношении вещевого материала, зафиксированного в захоронениях другими исследователями (В.К. Щербановым и В.В. Симоновым). Если говорить о личных вещах и вообще о предметах, оставшихся в карманах погибшего, то традиционно считается, что эти предметы носили

Из 84 эксгумированных захоронений (24/60) лишь в отношении 15 отмечены детали, которые условно можно отнести к характеру погребальных сооружений и их характеристикам.

В 4 случаях говорится, что погребение было совершено в навале мелкого бута (или забросано камнями) [Соколов, 2020, с. 185, 237, 395, 430], в 1 случае зафиксирован очень тонкий слой камней – останки находились практически на поверхности [Соколов, 2020, с. 430]; в 5 случаях погребение было совершено в неглубоких ямах или углублениях в полу³⁸ [Соколов, 2020, с. 354, 357, 365, 391, 395], в 1 случае – в яме размерами 2x1,2 м, глубиной около 1 м [Соколов, 2020, с. 320]. В 5 случаях зафиксирована глубина могильных ям или глубина погребения (когда они были совершены в навалах камней) – 0,2-0,3 м (в 1 случае эта величина еще меньше – 0,15-0,2 м) [Соколов, 2020, с. 237, 314 – 315, 429 – 430]. В этом ряду выделяется могила, найденная в южной части Малых каменоломен, из которой были эксгумированы останки ст. политука А.Н.Манукалова: в углу тупика, вплотную к двум его стенам, в полу была выдолблена прямоугольная яма размерами 2,00x0,65-0,80 м, глубиной 0,2 м. Двумя стенами могилы служили нижние части стен тупика, две оставшиеся стены были сформированы вертикально стоящими плоскими плитами размерами от 0,7x0,2x0,14м до 0,4x0,25x0,10м, костяк в верхней части прикрыт плоской плитой размерами 0,46x0,44x0,10 м, после чего могила засыпана тырсой [Соколов, 2020, с. 243 – 244]³⁹.

Есть у В.М. Соколова и отдельные упоминания деталей, которые можно отнести к погребальному обряду. В 3 случаях погибшие были уложены в могилы на спины [Соколов, 2020, с. 391, 394, 395], в 1 – на бок [Соколов, 2020, с. 395] (при различном положении рук и ног). Также в 3 случаях отмечается, что погибшие были завернуты в плащ-палатки, при этом один из них был уложен еще и на матерчатую подстилку [Соколов, 2020, с. 185, 354, 357].

В отчетах В.К. Щербанова обнаруженные и раскопанные захоронения описаны более подробно. Всего ростовскими группами было найдено 43 (32/11) захоронения и в 23 случаях, кроме самого факта обнаружения и мест их нахождения сообщаются дополнительные интересующие нас детали.

В 8 случаях отмечается, что захоронение произведено в толще тырсы (не уточняется, имеются ли в виду технологические насыпи вдоль стен или слой тырсы на подошве

утилитарный характер и их наличие объясняется только случайностью. В то же время ряд исследователей склонен считать некоторые из подобных предметов оберегами, придавая им совершенно другой смысл (см., напр. [Зверев, 2014, с. 25 – 27]).

³⁸Здесь и далее следует иметь в виду, что пол – это поверхность очень плотного слоя технологических отходов (тырсы и мелкого бута), достигавшего на разных участках толщины от нескольких до нескольких десятков сантиметров, а не скальное основание, подошва выработок.

³⁹Известно, что А.Н. Манукалов умер под землей от истощения осенью 1942 г. То, что его товарищи соорудили в дальней тупиковой части такую могилу, по мнению В.М. Соколова, свидетельствует, что при жизни А.Н. Манукалов пользовался огромным авторитетом среди бойцов и командиров гарнизона Малых каменоломен.

выработок), как можно понять, на небольшой глубине (хотя конкретно эта деталь, применительно к захоронениям в тырсе, уточняется только 1 раз – 0,2 м) [Щербанов, 2021, с. 81, 104-106, 133, 182, 197, 254, 261, 279] и 1 раз используется термин «неглубокая могила» [Щербанов, 2021, с. 277]. 1 раз говорится об эксгумации останков из траншеи глубиной 0,5 м [Щербанов, 2021, с. 174-175] и 2 раза – об останках, извлеченных из низовки⁴⁰, в которой одно захоронение было обнаружено на глубине 0,1 м, второе – 0,5 м. Характерная деталь: если описанные В.М. Соколовым могилы располагались вдоль стен целиков, то В.К. Щербанов упоминает об 1 групповом, многослойном захоронении, сооруженном «*посредине прохода*» [Щербанов, 2021, с. 182, 197], и как минимум, 2 могилах, выкопанных поперек штреков – под прямым углом к стенкам целиков [Щербанов, 2021, с. 254, 261]. Говоря о глубине погребальных сооружений (кроме уже упомянутой выше), в одном случае уточняется, что погибший был захоронен на глубине 0,05 м от поверхности, во втором – 0,25-0,3 м [Щербанов, 2021, с. 374, 394].

Что касается положения костяков, то и в этом у В.К. Щербанова мы находим больше различной информации. В 9 случаях погибшие были уложены в могилы на спины [Щербанов, 2021, с. 81, 104 – 106, 139, 180 – 181, 222, 279, 374 – 375], в 7 – на бок [Щербанов, 2021, с. 133, 182, 220 – 221, 223, 252, 254], в 7 – на животы, лицом вниз [Щербанов, 2021, с. 133, 182, 220 – 221, 223, 261 – 262]. При этом в 3 случаях погибшие были положены на плащ-палатки (или завернуты в них) [Щербанов, 2021, с. 133, 174 – 175, 374], в 1 случае погибший лежал на деревянном щите (настиле), в 1 – на тело ребенка была положена широкая доска [Щербанов, 2021, с. 165 и 279, соответственно]. Зафиксированы и интересные детали, имеющие непосредственное отношение к погребальному обряду: в одном случае на лицо погибшего был положен стальной шлем (каска) [Щербанов, 2021, с. 195], в двух – лица погребенных были прикрыты кусками фанеры [Щербанов, 2021, с. 81, 279].

За период 1998 – 2016 гг.⁴¹ экспедицией «Аджимушкай» было найдено 16 захоронений (7/9). Отметим, что начиная с 1998 г. подходы при составлении отчетной документации изменились и непотревоженные захоронения фиксировались достаточно подробно. Все сохранившиеся детали отражались и при описании «оскверненных» захоронений, за исключением 3 случаев, когда захоронения были полностью разрушены в ходе грабительских раскопок и кости разбросаны.

Из найденных в этот период захоронений 2 были произведены в специально выдолбленных в полу выработки могилах глубиной 0,15-0,2 м [Симонов, 2019, с. 22; Симонов, Демиденко, 2016, л. 8]; 3 – в технологических насыпях тырсы на глубине 0,05м, 0,15м и 0,4 м, сверху присыпанные тонким слоем тырсы или заложенные мелким бутом [Симонов, 2019, с. 214, 215, 287]; 1 – в низовке, также присыпанное тырсой и мелким бутом [Симонов, 2019, с. 78-79]. Еще 1 захоронение было найдено в естественном углублении (0,25 м) у стены целика, но по ряду косвенных признаков можно предполо-

⁴⁰ Имеется в виду так называемая яма «Почта» – место № 7, на поисковых картах.

⁴¹ После 2016 г. экспедиции в каменоломнях захоронения не находили.

жить, что в данном случае останки принадлежали расстрелянному (либо пленному, либо осужденному военным трибуналом) и то, что они были захоронены, а не просто брошены в тупике, в стороне от основных мест дислокации и маршрутов, вызывает определенные сомнения [Симонов, 2019, с. 77]. Остальные захоронения были произведены непосредственно на полу выработки, присыпаны тонким слоем тырсы или камня и, без сомнения, являлись частью больших братских могил, частично раскопанных в предыдущие десятилетия [Симонов, 2019, с. 327; Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288].

Интересно, что все похороненные военнослужащие (12) лежали на спине. Исключение составлял боец, останки которого были найдены в низовке, лежавший на животе, но судя по всему, он был просто присыпан там и в том положении, где умер (погиб) [Симонов, 2019, с. 78 – 79]. Положение «на животе» было зафиксировано еще в 2 случаях, но один из них – расстрелянный, о котором мы упоминали выше, а второй – ребенок [Симонов, 2019, с. 225]. В одном захоронении тело было положено на бок, но и в этом случае останки принадлежали гражданскому лицу – женщине [Симонов, 2019, с. 214]. Что касается погребальных сооружений, то они, как правило, располагались вдоль стен целиков. Одно частично раскопанное захоронение было найдено посередине штрека, но оно когда-то было частью большой братской могилы [Симонов, 2019, с. 327]. То же самое можно сказать и в отношении нескольких захоронений, в которых погибшие были уложены поперек прохода, головами к целику – это тоже было частью большой братской могилы, где погибших укладывали то вдоль, то поперек прохода [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288]. Хотя и в 1 индивидуальном захоронении погребение было произведено поперек прохода, а тело уложено головой к целику [Симонов, 2019, с. 287].

Это захоронение, в отличие от подавляющего большинства погребальных сооружений в каменоломнях, было сделано с особой заботой о погибшем. Тело положено в небольшое углубление на слой морской травы (*Zostera marina*), под головой устроено небольшое возвышение из мелкого бута, в области груди костяк накрыт мелкими плоскими плитками, могила засыпана тырсой и прикрыта сверху кусками фанеры и досок.

Если говорить о других элементах погребального обряда, то в 2 случаях погибшие были накрыты плащ-палатками (или завернуты в них), в 1 – на лицо погибшего был положен кусок фанеры размером примерно 0,3х0,2 м [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288].

Таким образом, полученные в ходе раскопок материалы дают возможность выделить несколько типов захоронений и сделать выводы об их характерных особенностях⁴².

⁴² Всего за время работы экспедиций в 1984 – 2017 гг. было обнаружено 143 захоронения, из которых эксгумированы останки 193 человек. Кроме самого факта обнаружения захоронения и количества останков в нем, в отчетах содержатся дополнительные сведения (пусть даже минимальные), характеризующие конкретные объекты и элементы погребального обряда, в 52 случаях (36,4%). Если рассматривать ситуацию более детально, то в отчетах В.М. Соколова описаны 19% захоронений (16 из 84); в отчетах В.К. Щербанова – 53,5% (23 из 43), в отчетах В.В. Симонова (включая написанные совместно с коллегами из Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований) – 81,3% (13 из 16).

Для больших братских могил (групповых захоронений) использовались либо нишечки, в которые в зависимости от ситуации тела погибших укладывали с разной степенью аккуратности, либо отдельные участки штолен или штреков, где тела складывали штабелями, с последующей блокировкой этого участка бутовыми стенами. В некоторых случаях погибших складывали на пол выработки, ничем не отгороженной от остальной части каменоломен, засыпая каждый ряд тел тонким слоем тырсы или мелких камней. В таком случае останки могли укладываться как вдоль стен целиков, так и перпендикулярно им. Подзахоронение останков могло производиться в это же место спустя некоторое, иногда довольно продолжительное время, причем в период между подзахоронениями по телам, лежащим даже на совсем небольшой глубине, могли ходить⁴³.

Одиночные могилы представляли собой либо специально подготовленные сооружения, либо естественные (технологические) углубления. Что касается первых, то это были ямы, близкие к прямоугольной форме, выдолбленные в полу либо выкопанные в технологических насыпях тырсы или бута. Глубина таких сооружений составляла не более 0,3 м, после погребения они засыпались, как правило, мелким камнем и тырсой. Фактически, во многих случаях отдельные части тел оставались почти на поверхности, едва прикрытые тонким (около 0,05 м) слоем породы. Как правило, эти могилы выкапывались вдоль стен целиков, хотя бывали и исключения⁴⁴. К естественным углублениям можно отнести понижение профиля технологических насыпей к стенам целиков, «траншеи» – фактически также представлявшие собой углубления вдоль стен целиков из-за неравномерного наброса большого количества бута на пол отработанного штрека, не полностью за-

⁴³Подобное многослойное захоронение, частично разрушенное грабительскими раскопками, было найдено нами в южной части Централных каменоломен. Стратиграфические наблюдения однозначно указывали на то, что по телам погребенных, слегка присыпанных породой, активно ходили, и так повторялось не один раз [Симонов, Демиденко, Мамуль, 2017б, с. 286 – 288]. Интересно в этой связи отношение к подобным вещам самих участников событий. Вот как описывает подобный процесс М.Т. Шкандина-Мелюхина: «О том, как мы хоронили умерших раненых – это ещё тяжелей. Это даже я не могу описать. Мы всегда хоронили умерших ночью. Когда раненые остальные спят. Мы делали всё машинально. Наверное, если бы не было коменданта похоронного бюро, который требовал от нас полного порядка, и сам смотрел, как мы обессиленно укладываем трупы. А ведь мы ходили по ним для того, чтобы уложить поплотнее... Ям-то готовых уже поблизости нет, и мы [заполняли] огромную яму нашими умершими ранеными. Но это нужно, и с нас строго требовали. И пусть меня и всех моих сотрудников умерших тоже люди простят, [за то] что приходилось по телам умерших ходить, чтобы поплотнее уложить трупы. Нет, невозможно это всё описать» [Воспоминания участницы обороны..., 2014, с. 363]. По мнению специалистов, в этом можно увидеть результаты эмоционального выгорания, равнодушия и обесценивания смерти военнослужащих, обусловленные особыми условиями подземной жизни и борьбы. В целом эти процессы характерны для периодов боевых действий, связанных с большими потерями и невозможностью достойно похоронить павших товарищей [Любецкий, 2022, с. 21-22].

⁴⁴Примером такого исключения может быть так называемый «район могильных ям», исследованный ростовскими поисковиками в 1987 г. [Щербанов, 2021, с. 282].

сыпанные обработанной породой участки низовок и ступеньки, образовавшиеся при сбойке районов с разным уровнем пола. В таком случае похороненный мог лежать на глубине до 0,5 м (и более) за счет набросанного сверху камня.

Могильные ямы, не просто выдолбленные в полу или прокопанные в отвалах обработанной породы, а сохранившие дополнительные конструктивные элементы, практически неизвестны. Кроме описанных выше могилы А.Н. Манукалова и могилы неизвестного аджимушкайца с насыпью из мелкого камня в изголовье, к ним можно отнести еще только могилу первого командира подземного гарнизона Центральных каменоломен полковника П.М. Ягунова⁴⁵. По свидетельству В.К.Щербанова, осматривавшего могильную яму спустя несколько дней после обнаружения захоронения, могила была выкопана в слое тырсы глубиной 0,85-0,9 м и углублена дополнительно в скальную подошву на 0,2-0,25 м для установки гроба. Яма – близкая к прямоугольной формы, по углам – камни, то ли для сохранения габаритов могильной ямы, то ли для выравнивания гроба. П.М.Ягунов был захоронен в деревянном гробу, рядом на плащ-палатке лежал еще один офицер [Щербанов, 2021, с. 267 – 269]⁴⁶.

Практика захоронения военнослужащих завернутыми в плащ-палатки довольно хорошо известна. Возможно, что это некое подобие савана в тех условиях, тем более что захоронения производились без гробов. Тем не менее, если говорить о захоронениях в Аджимушкае, то из 193 найденных в могилах останков только 8 человек были завернуты в плащ-палатки или лежали на них. Еще более редкими были случаи, когда погибших укладывали на какие-либо подстилки или подложки (материю, доски и т.п.), это отмечено лишь 3 раза. Практически столь же редки были элементы погребального обряда в виде накрывания головы (лица) погибшего – их 4: в одном случае был использован стальной шлем (каска), в 3 – небольшие куски фанеры. Что касается положения тел в могилах, то чуть более чем в половине случаев погибших укладывали на спины, таких в отчетах отмечено 24 из 43 описанных, примерно одинаковое количество тел было уложено на живот или на бок – 10 и 9 соответственно.

⁴⁵Захоронение П.М. Ягунова было найдено случайно при проведении строительных работ на территории запасного выхода подземного музея. Обстоятельства обнаружения захоронения П.М. Ягунова подробно см.: [Тарунов, 1987; Щербанов, 2021, с. 264 – 271]. Для точной идентификации личности похороненного было проведено судебно-медицинское исследование [НА ВКИКМЗ, оп. 4, ед. хр. 910].

⁴⁶ Более детального описания могилы нет. В настоящее время она представляет собой яму прямоугольной формы, размерами 2,70x0,80 м (внутренние габариты), глубиной 0,50-0,55 м. По периметру могильная яма укреплена стенами, сложенными из обрезков камня. Очевидно, что из-за этого первоначальные размеры ямы уменьшились, иначе в нее невозможно было бы поставить гроб и положить рядом останки еще одного человека. В.К. Щербанов ошибочно указывает, что стенка «низовки», в которую был поставлен гроб, не пиленая, а «рубаная». Она сохранила явные следы пропилов, в связи с чем вызывает сомнение предположение, что для гроба специально делали углубление в скальной подошве выработки. Представляется более вероятным, что это следы работы камнерезчиков.

Выборка из отчетов информации о конкретных найденных захоронениях, с последующим нанесением их на карту⁴⁷, позволила более точно представить территории, которые использовались в гарнизонах под кладбища. Ранее нами на основе рабочих материалов В.М. Соколова была выдвинута гипотеза, что в Центральных каменоломнях полоса захоронений шла вдоль всей территории, на которой базировались подразделения, создавая своеобразную границу между жилыми районами и малопосещаемой глубиной каменоломен [Симонов, 2003, с. 74, 87]. Теперь очевидно, что это не совсем так. Притом что в каменоломнях существовали отдельные участки, где захоронения располагались достаточно плотно (и в какой-то степени это совпадает с ранее предложенной локализацией «кладбищ»), фактически захоронения были распространены почти на всей территории выработок. Они фиксируются от привходовых районов до тупиков вдоль западного периметра шахтного поля с выделением нескольких отдельных участков, где плотность их, видимо, была наибольшей. Можно осторожно предположить, что, понеся огромные потери в первые дни обороны, защитники каменоломен действительно выбрали для подземных кладбищ какие-то конкретные участки. В дальнейшем гарнизон, ведя боевые действия, все так же нес потери, хотя не столь большие, а погибших стали хоронить просто чуть в стороне от мест дислокации подразделений. По мере того, как аджимушкайцев оставалось все меньше и районы их проживания «сжимались», территории, занятые захоронениями, наоборот расширялись. Видимо, к концу обороны, когда у оставшихся защитников уже не было сил хоронить павших, эта граница практически исчезла. В Малых каменоломнях эта картина не столь очевидна, что может объясняться как иной ситуацией (связанной с другим уровнем организации обороны), так и существенно меньшим объемом информации, поскольку исследования там велись не так интенсивно, как в Центральных.

В заключение, еще раз отметим:

- в Аджимушкайских каменоломнях вот уже более 50 лет ведется целенаправленная работа по поиску и изучению воинских захоронений, как составная часть исследований истории обороны каменоломен в целом;

- за прошедшие десятилетия накоплен значительный материал, позволяющий оценить общее количество эксгумированных останков и получить дополнительную информацию, характеризующую особенности воинского погребального обряда, сложившегося в специфических подземных условиях;

- анализ результатов поисковых и эксгумационных работ дает возможность подойти к ответам на наиболее сложные вопросы истории обороны, используя эти результаты в качестве косвенных доказательств при подсчетах численности и потерь

⁴⁷ Эта работа была выполнена О.И. Демиденко в виде демонстрационной карты, подготовленной в рамках грантового проекта «От поиска – к военной археологии. Шаг второй», получившего поддержку Фонда президентских грантов.

гарнизонов каменоломен, оценке их боевой активности, а также лучше понять процессы, происходившие в ходе обороны, связанные с морально-психологическим состоянием военнослужащих;

- дальнейшее продолжение исследований в этом направлении, при тщательной фиксации полученных результатов позволит получить новые данные, способные еще более конкретизировать наши представления об этом аспекте событий, связанных с обороной каменоломен подземными гарнизонами в мае-октябре 1942 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов В.В.* Аджимушкай, 1942. Симферополь, 2016.
- Абрамов В.В.* Героическая оборона Аджимушкайских каменоломен. М., 1983.
- Абрамов В.В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006.
- Аджимушкайская трагедия // Военно-исторический журнал, 1962. № 7. С. 72 –76.
- Аджимушкай, 1942, май (перевод – *И.В. Склярченко*, подготовка текста, предисловие и комментарии – *В.В. Симонов*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 5-й. Символ памяти – Аджимушкай. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017. С. 362 –386.
- Ваулин Н.И.* «Трагедия Аджимушкайских каменоломен» (подготовка текста, предисловие и комментарии *В.В. Симонова*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 306 –335.
- Воспоминания участницы обороны Центральных Аджимушкайских каменоломен медсестры подземного госпиталя М.Т. Шкандиной-Мелохиной (подготовка текста, предисловие и комментарии *О.И. Демиденко*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 336 –366.
- Воспоминания жителей Аджимушкай Ивановой (Чичеровой) Н.С. и Чичерова К.П. (подготовка текста, предисловие и комментарии *О.И. Демиденко*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Симферополь, 2017. С. 334 –350.
- Грек И.О.* Реестр каменоломен Керченского полуострова. Исследование каменоломен экспедициями клуба «Поиск» // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017. С.85 –96.
- Демиденко О.И.* К вопросу о поисках архива подземного гарнизона // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Выпуск I. С. 421 –436.
- Демиденко О.И.* К вопросу о применении немецкими войсками боевых отравляющих веществ в Аджимушкайских каменоломнях в мае-июне 1942 г. // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 61 –89.
- Демиденко О.И., Симонов В.В.* Военно-поисковая экспедиция «Аджимушкай». Страницы истории // Керчь военная. Сборник статей. Керчь, 2004. С. 440 –463.
- Дневник, найденный в катакомбах // В катакомбах Аджимушкай. Документы, воспоминания, статьи. Симферополь, 1970. Изд. 2-е.
- Дневник старшего лейтенанта Клабукова (копия) (подготовка текста, предисловие и комментарии *В.В. Симонова*) // Военно-исторические чтения. Выпуск 3-й. О войне, без купюр. Симферополь, 2014. С. 248 –305.

- Зверев С.Э. Суверения как компонент воинской субкультуры // Вестник СПбГУКИ, 2014. № 2 (19). С. 22–28.
- Керчь. 1942 г. Немецкие документы свидетельствуют (подготовка документов к публикации Н. Геец, В.В. Симонов, предисловие и комментарии В.В. Симонова) // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Выпуск III. С. 434–463.
- Кондранов И. Признания врага // В катакомбах Аджимушкая. Симферополь, 1970. Изд. 2-е. С. 209–213.
- Любецкий А.Е. Захоронение красноармейцев в годы Великой Отечественной войны: правовые нормы и практика // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. №3. С. 21–28.
- Подземный гарнизон // Военно-исторический журнал, 1962. № 8. С. 76–91.
- Рябкин А. Было много дней // Вокруг света, 1974. № 4. С. 1–5.
- Рябкин А. Возвращение к Аджимушкаю // Вокруг света, 1983. № 6. С. 1–4.
- Симонов В.В. Братские могилы в каменоломнях: легенды или реальность? // VIII-е Таврические научные чтения. Сборник материалов. 2 часть. Симферополь, 2007. С. 87–99.
- Симонов В.В. Использование картографических материалов в исследованиях обороны Аджимушкайских каменоломен // Спелеология и спелестология, 2023. № 1. С. 31–46.
- Симонов В.В. К вопросу о численности, структуре, боевой активности, потерях гарнизона Центральных Аджимушкайских каменоломен по материалам военно-поисковой экспедиции «Аджимушкай» второй половины 1980-х – 1990-х гг. // Военно-исторические чтения. Выпуск 1-й. Крымфронт-Аджимушкай. Сборник научных статей. Керчь, 2003. С. 69–87.
- Симонов В.В. Оборона Аджимушкайских каменоломен подземными гарнизонами в мае – октябре 1942 года // Керчь военная. Сборник статей. Керчь, 2004. С. 208–237.
- Симонов В.В. Традиции, проверенные временем. Из опыта работы военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017. С.228–235.
- Симонов В.В. Экспедиция «Аджимушкай». 1998-2012. Военно-исторические чтения. Выпуск 6-й. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2019. 516 с.
- Симонов В.В., Демиденко О.И. Отчет о результатах работ военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» в 2016 г. Рукопись. 2016 // Личный архив автора.
- Симонов В.В., Демиденко О.И., Мамуль С.Р. Работы военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» и Восточно-Крымского центра военно-исторических исследований в 2013 г. // Военно-исторические чтения. Выпуск 4-й. Неизвестное становится известным. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017а. С. 122–227.
- Симонов В.В., Демиденко О.И., Мамуль С.Р. Работы военно-археологической экспедиции «Аджимушкай» в 2014–2015 гг. // Военно-исторические чтения. Выпуск 5-й. Символ памяти – Аджимушкай. Сборник научных статей и материалов. Симферополь, 2017б. С.250–329.
- Соколов В.М. Экспедиция «Аджимушкай». 1983–1997. Военно-исторические чтения. Выпуск 7-й. Сборник научных отчетов. Редактор В.В. Симонов. Симферополь, 2020. 480 с.
- Тарунов А. Командир подземного гарнизона // Вокруг света, 1987. № 12.
- Щербак С.М. Легендарный Аджимушкай. Симферополь, 1989.
- Щербанов В.К. Экспедиция «Аджимушкай». 1983–1992 (работы ростовских групп). Во-

енно-исторические чтения. Выпуск 9-й. Полевые дневники и отчеты. Научный редактор В.В. Симонов. Симферополь, 2021. 424 с.

REFERENCES

- Abramov V.V. Adzhimushkaj 1942. Simferopol', 2016.
- Abramov V.V. Geroicheskaya oborona Adzhimushkajskix kamenolomen. M., 1983.
- Abramov V.V. Kerchenskaya katastrofa 1942. M., 2006.
- Adzhimushkajskaya tragediya // Voенно-istoricheskij zhurnal, 1962. № 7. S. 72 – 76.
- Adzhimushkaj. 1942, maj (preved – I.V. Sklyarenko, podgotovka teksta, predislovie i kommentarii – V.V. Simonov) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 5-j. Simvol pamyati – Adzhimushkaj. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol', 2017. S. 362 – 386.
- Vaulin N.I. «Tragediya Adzhimushkajskix kamenolomen`» (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii V.V. Simonova) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 306 – 335.
- Vospominaniya uchastnicy oborony` Central`ny`x Adzhimushkajskix kamenolomen medsestry` podzemnogo gospitalya M.T. Shkandinoj-Meloxinoj (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii O.I. Demidenko) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 336 – 366.
- Vospominaniya zhitelej Adzhimushkaya Ivanovoj (Chicherovoj) N.S. i Chicherova K.P. (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii O.I. Demidenko) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Simferopol', 2017. S. 334 – 350.
- Grek I.O. Reestr kamenolomen Kerchenskogo poluostrova. Issledovanie kamenolomen e`kspediciyami kluba «Poisk» // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol', 2017. S. 85 – 96.
- Demidenko O.I. K voprosu o poiskax arxiva podzemnogo garnizona // Nauchny`j sbornik Kerchenskogo zapovednika. Kerch`, 2006. Vy`pusk I. S. 421 – 436.
- Demidenko O.I. K voprosu o primenenii nemeckimi vojskami boevy`x otravlyayushhix veshhestv v Adzhimushkajskix kamenolomnyax v mae-iyune 1942 g. // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 61 – 89.
- Demidenko O.I., Simonov V.V. Voенно-poiskovaya e`kspediciya «Adzhimushkaj». Stranicy istorii // Kerch` voennaya. Sbornik statej. Kerch`, 2004. S. 440 – 463.
- Dnevnik, najdenny`j v katakombax // V katakombax Adzhimushkaya. Dokumenty`, vospominaniya, stat`i. Simferopol', 1970. Izd. 2-e.
- Dnevnik starshego lejtenanta Klabukova (kopiya) (podgotovka teksta, predislovie i kommentarii V.V. Simonova) // Voенно-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 3-j. O vojne, bez kupyur. Simferopol', 2014. S. 248 – 305.
- Zverev S.E`. Sueveriya kak komponent voinskoj subkul`tury` // Vestnik SPbGUKI, 2014. № 2 (19). S. 22 – 28.
- Kerch`. 1942 g. Nemeckie dokumenty` svidetel`stvuyut (podgotovka dokumentov k publikacii N. Geecz, V.V. Simonov, predislovie i kommentarii V.V. Simonova) // Nauchny`j sbornik Kerchenskogo zapovednika. Simferopol', 2011. Vy`pusk III. S. 434 – 463.
- Kondranov I. Priznaniya vraga // V katakombax Adzhimushkaya. Simferopol', 1970. Izd. 2-e. S. 209 – 213.
- Lyubeczkiy A.E. Zaxoronenie krasnoarmejcev v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: pravovy`e normy` i praktika // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya. 2022. T. 6. № 3. S. 21 – 28.

- Podzemny`j garnizon // Voенno-istoricheskij zhurnal, 1962. № 8. S. 76 – 91.
- Ryabikin A. By`lo mnogo dnej // Vokrug sveta, 1974. № 4. S. 1 – 5.
- Ryabikin A. Vozvrashhenie k Adzhimushkayu // Vokrug sveta, 1983. № 6. S. 1 – 4.
- Simonov V.V. Bratskie mogily` v kamenolomnyax: legendy` ili real`nost`? // VIII-e Tavricheskie nauchny`e chteniya. Sbornik materialov. 2 chast`. Simferopol`, 2007. S. 87 – 99.
- Simonov V.V. Ispol`zovanie kartograficheskix materialov v issledovaniyax oborony` Adzhimushkajskix kamenolomen // Speleologiya i spelestologiya, 2023. № 1. S. 31 – 46.
- Simonov V.V. K voprosu o chislennosti, strukture, boevoj aktivnosti, poteryax garnizona Central`ny`x Adzhimushkajskix kamenolomen po materialam voенno-poiskovoj e`kspedicii «Adzhimushkaj» vtoroj poloviny` 1980-x – 1990-x gg. // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 1-j. Kry`mfront-Adzhimushkaj. Sbornik nauchny`x statej. Kerch`, 2003. S. 69 – 87.
- Simonov V.V. Oborona Adzhimushkajskix kamenolomen podzemny`mi garnizonami v mae-oktyabre 1942 goda // Kerch` voennaya. Sbornik statej. Kerch`, 2004. S. 208 – 237.
- Simonov V.V. Tradicii, proverenny`e vremenem. Iz opy`ta raboty` voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2017. S. 228 – 235.
- Simonov V.V. E`kspediciya «Adzhimushkaj». 1998 – 2012. Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 6-j. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2019. 516 s.
- Simonov V.V., Demidenko O.I. Otchet o rezul`tatax rabot voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» v 2016 g. Rukopis`. 2016 // Lichny`j arxiv avtora.
- Simonov V.V., Demidenko O.I., Mamul` S.R. Raboty` voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» i Vostochno-Kry`mskogo centra voенno-istoricheskix issledovanij v 2013g. // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 4-j. Neizvestnoe stanovitsya izvestny`m. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2017a. S. 122 – 227.
- Simonov V.V., Demidenko O.I., Mamul` S.R. Raboty` voенno-archeologicheskoy e`kspedicii «Adzhimushkaj» v 2014 – 2015 gg. // Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 5-j. Simvol pamyati – Adzhimushkaj. Sbornik nauchny`x statej i materialov. Simferopol`, 2017b. S. 250 – 329.
- Sokolov V.M. E`kspediciya «Adzhimushkaj». 1983 – 1997. Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 7-j. Sbornik nauchny`x otchetov. Redaktor V.V. Simonov. Simferopol`, 2020. 480 s.
- Tarunov A. Komandir podzemnogo garnizona // Vokrug sveta, 1987. № 12.
- Shherbak S.M. Legendamy`j Adzhimushkaj. Simferopol`, 1989.
- Shherbanov V.K. E`kspediciya «Adzhimushkaj». 1983 – 1992 (raboty` rostovskix grupp). Voенno-istoricheskie chteniya. Vy`pusk 9-j. Polevy`e dnevniki i otchety`. Nauchny`j redaktor V.V. Simonov. Simferopol`, 2021. 424 s.

Приложение № 1

Социально-демографические данные на идентифицированных военнослужащих, останки которых были найдены и эксгумированы экспедициями «Аджимушкай» в период 1984 – 2017 гг.

Глебкин Филипп Севастьянович, 1920 г. р., Орловская обл., Вытегорский район, с. Бородино, курсант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб под завалом, останки найдены в 2017 г., идентифицирован по медальону.

Донцелян Аршак Д., сержант, участник обороны Малых каменоломен, погиб 29.05.1942 г., останки найдены в 1988 г., идентифицирован по надписи на котелке.

Зайцев Иван Филиппович, 1918 г.р., Краснодарский край, Павловский район, Белохуторский с/с, хут. Белый, мл. лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, в ЦАМО значится пропавшим без вести в апреле 1942 г., останки найдены в 1994 г., идентифицирован по медальону.

Закиров Салих Закирович, 1918 (1908) г.р., Марийская АССР, Парангинский район, Инарский с/с, д. Параньга, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1994 г., идентифицирован по медальону.

Исаков Сергей Михайлович, 1906 г.р., Новосибирская обл., Здвинский район, с. Ленино, ст. политрук, участник обороны Центральных каменоломен, комиссар штаба гарнизона, умер в каменоломнях в августе 1942 г., останки найдены в 1994 г., идентифицирован по результатам судебно-медицинского исследования.

Казазаев Иван Васильевич, 1908 г.р., Ставропольский край, Гофицкий район, с.Гофицкое, сержант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб под завалом в конце мая 1942 г., останки найдены в 1992 г., идентифицирован по медальону.

Король Александр Карпович, 1917 г.р., Каменец-Подольская обл., Полонский район, с. Горошки, лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб не позднее 7 августа 1942 г., останки найдены в 1989 г., идентифицирован по медальону.

Манукалов Алексей Николаевич, 1908 г.р., Донбасс, ст. политрук, участник обороны Малых каменоломен, умер в каменоломнях от истощения в конце обороны, останки найдены в 1991 г., идентифицирован по результатам судебно-медицинского исследования.

Мейлахс Бенсон Давыдович, 1912 г.р., Украинская ССР, г. Харьков, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1986 г., идентифицирован по медальону.

Мисников Виктор Дмитриевич, 1889 г.р., Белорусская ССР, Могилевская обл., интендант 3-го ранга, участник обороны Центральных каменоломен, в ЦАМО числится пропавшим без вести в июне 1942 г., останки найдены в 1996 г., идентифицирован по медальону.

Поляков Григорий Романович, 1921 г.р., Украинская ССР, Запорожская обл.,

Советский район, Павловский с/с, д. Павловка, курсант, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1994 г., идентифицирован по медальону.

Ройтберт, 1922 г.р., Украинская ССР, Киевская обл., г. Дарница, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, в ЦАМО числится пропавшим без вести 12.05.1942 г., останки найдены в 1986 г., идентифицирован по записке в личных документах.

Соленый Виктор Петрович, участник обороны Центральных каменоломен, предположительно погиб под завалом в каменоломнях в сентябре 1942 г., идентифицирован по надписи на котелке.

Суровец Владимир Антонович, 1908 г.р., Украинская ССР, г. Житомир, лейтенант, участник обороны Малых каменоломен, останки найдены в 1988 г., идентифицирован по медальону.

Сушко Игнат Андреевич, 1908 г.р., Украинская ССР, Запорожская обл., Ореховский район, с. Яркивка, красноармеец, участник обороны Центральных каменоломен, останки найдены в 1996 г., идентифицирован по медальону.

Янгуразов Ибрагим Гуссейнович, 1920 г.р., Грузинская ССР, г. Тбилиси, лейтенант, участник обороны Центральных каменоломен, погиб под завалом, останки найдены в 1985 г., идентифицирован по личным документам.

Резюме

В статье затрагиваются проблемы, связанные с подсчетом останков советских воинов, погибших в ходе обороны Аджимушкайских каменоломен в мае – октябре 1942 г. и похороненных под землей. При отсутствии достоверных данных о численности подземных гарнизонов эти сведения могли бы стать отправной точкой для выстраивания версий как о количестве защитников Аджимушкая, так и их боевой активности и связанных с ней потерями. Автором проанализированы сведения по данной теме, содержащиеся в выявленных на настоящий момент источниках противоборствующих сторон, опубликованной литературе, документах о проведении эксгумационных работ в каменоломнях. Значительную часть исследования составляет детальный разбор информации, содержащейся в отчетах о проведенных поисковых работах за период 1983 – 2022 гг., позволивший не только обобщить имеющиеся сведения о найденных останках и захоронениях, но и частично детализировать наши представления об особенностях воинских погребальных ритуалов, бытовавших в этих специфических условиях.

Ключевые слова: Аджимушкай, оборона каменоломен, поисковые работы, воинские захоронения, погребальные ритуалы.

Summary

The article touches upon the problems related to the counting of the remains of Soviet soldiers who died during the defense of the Ajimushkai quarries in May – October 1942 and are buried underground. In the absence of reliable data on the number of underground garrisons, this information could become a starting point for creating versions, both about the number of defenders of Ajimushkaya, and their combat action and losses related to it. The author analyzes the information on this topic, which is contained in the currently identified sources of the warring parties, published literature, documents on exhumation work in quarries. A significant part of the study is dedicated to a detailed analysis of the information contained in the reports on the search work carried out for the period 1983 – 2022. It allowed not only to summarize the available information about the found remains and burials, but also to partially detail our ideas about the features of military funeral rituals that existed in these specific conditions.

Key words: Ajimushkai, defense of quarries, search works, military burials, funeral rituals.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонов Владимир Владимирович,
Крымская региональная общественная
организация «Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»
(Республика Крым, г. Керчь,
Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129),
председатель правления.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Simonov Vladimir Vladimirovich
Crimean Regional Public Organization
“East Crimean Center for Military-Historical Researches”
(Vokzal’noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea),
Chairman of the Management Board.
qvest59@rambler.ru
+7 978 824 64 09